

ББК 67.93

Е.С. Аничкин

Особенности правоприменения в международном частном праве

E.S. Anichkin

Peculiarities of Law Enforcement in International Private Law

Выявлены и раскрыты специфические черты применения норм международного частного права, к числу которых автор относит широкое использование в качестве правоприменительной основы коллизионных норм, иностранного права, норм международных договоров, а также особую последовательность применения норм международного частного права и своеобразие нормативных коллизий.

Ключевые слова: коллизионные нормы, международный договор, иностранное право, коллизия, правоприменение, материальные нормы, отсылка.

В последние два десятилетия в России все большее распространение получают общественные отношения, осложненные иностранным элементом. Основными предпосылками данной тенденции являются активизация трансграничных экономических, научно-технических и трудовых связей между частными субъектами различных государств, вовлечение в сферу действия международного частного права новых общественных отношений, влияние на общественную жизнь процессов глобализации и ряд других. Это объективно способствует увеличению числа правовых споров и иных правоприменительных ситуаций с иностранным участием. Расширение правоприменительной практики на фоне несовершенства действующего законодательства, невысокого профессионального уровня правоприменителей и в то же время повышенной сложности такого рода дел, недостатка специальных доктринальных исследований данного вопроса актуализирует выявление специфики и проблем правоприменения в международном частном праве. В этой связи представляется возможным вести речь о следующих отраслевых особенностях правоприменения в международном частном праве.

1. Широкое использование в качестве правоприменительной основы особой категории норм права – коллизионных норм.

Как известно, коллизионная норма призвана определять национально-правовую систему, нормы которой должны урегулировать соответствующее общественное отношение по существу. Следовательно, коллизионная норма всегда имеет отсылочный

This article reveals the specific features of the enforcing international private law norms including general usage of conflict norms as the law enforcement fundamentals, usage of foreign law, direct enforcement of international agreements norms, and also specific succession of enforcing the international private law norms and peculiarity of norm collisions.

Key words: conflict norms, international agreement, foreign right, collision, law enforcement, material norms, reference.

характер, указывая правоприменительно своеобразный путь, по которому ему необходимо следовать в целях установления компетентного правопорядка. Основанием применения коллизионной нормы является наличие в частном общественном отношении иностранного элемента (субъекта, объекта, юридического факта). Во внутренних общественных отношениях иностранный элемент отсутствует, в связи с чем необходимости обращения к коллизионным нормам нет. Напротив, наличие иностранного элемента обуславливает необходимость обращения к коллизионной норме и выбора посредством ее предписаний конкретной национальной правовой системы: отечественной или любого иностранного государства. Иными словами, миссия коллизионных норм, как справедливо замечает Л.П. Ануфриева, заключается в «юридическом опосредствовании международного взаимодействия правовых систем» [1, с. 107].

Примечательным является тот факт, что в отдельных случаях адресатом отсылки коллизионной нормы является «право» (ст. 1201, 1207, 1219 Гражданского кодекса РФ), а в других случаях – «законодательство» (ст. 156, п. 1 ст. 162, ст. 163 Семейного кодекса РФ) или «закон» (ст. 417, 420, 426 Кодекса торгового мореплавания РФ). Очевидно, указанные понятия неравнозначны и соотносятся как общее с частным. Из этого В.В. Кудашкин делает вывод, согласно которому в первом случае речь идет о применении правовой системы государства в целом, включая международные договоры, а во втором случае – о применении лишь внутреннего законодательства в собственном смысле

слова [2]. Думается, это не совсем так. Не вдаваясь в подробную аргументацию, хотелось бы напомнить, что основная масса договоров внедряется в правовую систему государства посредством законов об их ратификации (в России – посредством федеральных законов о ратификации международного договора). Данные законы являются составными частями «законодательства» того или иного государства, в связи с чем отсылка к «закону» («законодательству») страны означает и отсылку к международным договорам с ее участием. Но обсуждаемый вопрос имеет практическое значение только в том случае, когда в международном договоре предусмотрено, что он может применяться, если применимо право договаривающегося государства. Подобные ситуации встречаются редко, ибо в большинстве случаев международный договор призван регулировать отношения между субъектами договаривающихся стран, а его применение предшествует применению коллизионных норм.

В подавляющем большинстве случаев правоприменитель связан отечественными коллизионными нормами. Ими могут быть как нормы, содержащиеся во внутренних правовых актах, так и нормы, закрепленные в международных договорах с участием страны правоприменителя. Однако в редких случаях возможно применение иностранных коллизионных норм и выбор применимого права на их основе. Это происходит при принятии обратной отсылки иностранного права к отечественному праву (п. 2 ст. 1190 Гражданского кодекса РФ) (далее – ГК РФ), при применении права страны с множественностью правовых систем (ст. 1188 ГК РФ), при определении подлежащего применению права международным коммерческим арбитражем (п. 1 ст. 1186 ГК РФ, п. 2 ст. 28 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» [3]), а также в случаях, прямо предусмотренных законом. Например, согласно п. 3 ст. 160 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) расторжение брака, совершенное за границей, признается действительным в Российской Федерации только при условии соблюдения «законодательства соответствующего иностранного государства о компетенции органов, принимавших решения о расторжении брака, и подлежащем применению при расторжении брака законодательстве». Как видно, определение законодательства, подлежащего применению при расторжении брака, невозможно без применения коллизионной нормы соответствующего иностранного государства. Во всех указанных случаях коллизионные нормы включены в сферу применимого права, хотя, как правило, данную сферу составляют только нормы материального права.

Применение коллизионных норм порождает множество типичных проблем, среди которых хотелось бы обратить внимание на коллизии внутренних и внешних коллизионных норм, пробелы в коллизионном регулировании, кумулятивное правоприменение.

При столкновении внутренних коллизионных норм и норм международного договора с участием Российской Федерации приоритетному применению подлежит норма международного договора, что следует из положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Так, в соответствии с п. 1 ст. 161 СК РФ права и обязанности супругов определяются законодательством государства, на территории которого они имеют совместное место жительства, а при его отсутствии – законодательством государства, на территории которого они имели последнее совместное место жительства. В то же время п. 2 ст. 27 Минской конвенции стран СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам предусматривает, что при отсутствии совместного места жительства супругов должен применяться закон их общего гражданства. Кроме того, п. 5 ст. 27 Минской конвенции закрепляет правило, в соответствии с которым «правоотношения супругов, касающиеся их недвижимого имущества, определяются по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой находится это имущество», в то время как СК РФ не дифференцирует применимое право в зависимости от вида имущества супругов [4].

Пробелы коллизионного регулирования обнаруживаются в ряде норм ГК РФ, СК РФ и Кодекса торгового мореплавания РФ (далее – КТМ РФ). Отчасти они могут быть преодолены посредством аналогии закона, но в некоторых случаях это не представляется возможным. Так, в ст. 1211 ГК РФ применимое право не определено в отношении договоров ренты, доверительного управления имуществом, возмездного оказания услуг, об отчуждении исключительного права на произведение. Вместе с тем решение данной проблемы возможно путем применения права той страны, где находится место жительства или основное место деятельности ведущей стороны соответствующего договора (п. 2 ст. 1211 ГК РФ). В то же время пробел в положениях ст. 164 СК РФ является непреодолимым ввиду отсутствия коллизионных норм, регулирующих сходные отношения. Согласно ст. 164 СК РФ алиментные обязательства совершеннолетних детей в пользу родителей, а также алиментные обязательства других членов семьи определяются законодательством государства, на территории которого они имеют совместное место жительства, а при его отсутствии – законодательством государства, гражданином которого является лицо, претендующее на получение алиментов. Закономерно возникает вопрос: как определить применимое право, если отсутствует совместное место жительства и соискатель алиментов является лицом без гражданства?

Кумулятивное правоприменение является следствием дифференциации объема коллизионной нормы и предполагает одновременное применение норм иностранного права и императивных материальных

норм отечественного права. Обычно за коллизионной нормой «скрываются» нормы одной национально-правовой системы, но при кумуляции происходит совмещенное правоприменение. На это не всегда обращают внимание правоприменительные органы, следствием чего являются неправомерные отсылки в правоприменительных актах только на нормы одной национально-правовой системы. Кумуляция требуется, например, в п. 2 ст. 156 СК РФ, предусматривающей, что «условия заключения брака на территории Российской Федерации определяются для каждого из лиц, вступающих в брак, законодательством государства, гражданином которого лицо является в момент заключения брака, с соблюдением требований статьи 14 настоящего Кодекса в отношении обстоятельств, препятствующих заключению брака». Соответственно, при регистрации брака между иностранным гражданином и гражданкой Российской Федерации, а равно между иностранцами (апатридами), принадлежащими к разным государствам, российский орган ЗАГС в качестве правоприменительной основы должен использовать не только нормы зарубежного семейного права, но и положения ст. 14 СК РФ.

2. Распространенное применение иностранного права.

Осуществление данной процедуры необходимо, когда внешняя либо внутренняя коллизионная норма отсылает к праву определенного иностранного государства или иностранных государств. Некоторые исследователи полагают, что в международном частном праве категория «применение права» обозначает «специфическое явление – применение иностранного права» [5, с. 392]. С таким мнением согласиться сложно, поскольку «применение права» включает в себя также применение коллизионных норм и материальных норм международных договоров.

Порядок установления содержания норм иностранного права закреплен в ст. 1191 ГК РФ, ст. 166 СК РФ и ст. 14 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ). Обращает на себя внимание некоторое рассогласование положений ГК РФ и АПК РФ, с одной стороны, и СК РФ – с другой: в последнем в качестве способов установления содержания норм иностранного права не указаны компетентные органы за границей, а также компетентные организации в Российской Федерации и за границей. Иными словами, возможности правоприменителей в сфере семейных отношений с иностранным участием сужены в сравнении с определением материальных норм иностранного права для регулирования иных частных отношений.

Анализ положений названных статей позволяет вести речь и об иных дефектах данных норм. Так, основным органом, в который суды уполномочены обращаться (и зачастую обращаются) за содействием и разъяснением в установлении норм иностранного

права, является Министерство юстиции РФ. В то же время отсутствует какая-либо нормативная база, четко регламентирующая порядок такого обращения и механизм деятельности Министерства юстиции РФ при получении судебного запроса. По свидетельству А.И. Стихиной, во многом поэтому «обычно либо запросы суда остаются без ответа, либо Министерство юстиции отвечает, что запрашиваемой информацией оно не располагает» [6, с. 18]. Такого рода пробел в законодательстве требует оперативного заполнения.

Другая проблема обусловлена отсутствием указаний на пределы активности суда в деле установления содержания иностранного права. Статья 1191 ГК РФ предусматривает четыре способа такого установления, но не определяет их иерархию, последовательность использования, пределы интенсивности мер, предпринимаемых судом при решении этого вопроса. По мнению Ю.А. Тимохова, ст. 1191 ГК РФ следовало бы дополнить положением о том, что «предпринимаемые меры должны быть эффективными и интенсивными» [7, с. 119]. Но опять же не ясно, каким именно должен быть уровень эффективности и интенсивности, насколько настойчивым должен быть правоприменитель? В этой связи В.Л. Толстых задается резонным вопросом: «...безуспешное обращение в Министерство юстиции РФ делает возможным применение норм отечественного права на основании ч. 3 ст. 1191 ГК РФ либо после обращения в Министерство юстиции следует направить запросы в соответствующие органы и учреждения, привлечь экспертов и только после осуществления всего комплекса мер применять ч. 3 ст. 1191 ГК РФ?» – и делает вывод о том, что «для применения ч. 3 ст. 1191 ГК РФ достаточно использовать только одну из возможностей, предоставляемых ч. 2 ст. 1191 ГК РФ» [8, с. 261]. На наш взгляд, в целях обретения информации об иностранном праве и экономии времени желательным было бы параллельное использование нескольких (необязательно всех) способов установления содержания иностранного права.

Сложным и неоднозначным является вопрос о применении норм иностранного права, которые содержатся в нетрадиционных для российской правовой системы источниках права. В частности, речь идет о применении норм, выраженных в судебных прецедентах (право США, Канады, Великобритании), в источниках религиозно-общинного права (право Ирана, Иордании, Саудовской Аравии), в каноническом праве города-государства Ватикана. В нестандартных ситуациях такого рода у правоприменителя может возникнуть (и возникает) соблазн нейтрализовать действие соответствующих норм иностранного права со ссылкой на оговорку о публичном порядке (ст. 1193 ГК РФ, ст. 167 СК РФ). Подобное решение представляется неверным. Если нетрадиционная для

отечественных правоприменителей форма выражения правовых норм признается источником права в зарубежном государстве, то оснований для применения оговорки о публичном порядке нет. Ведь оговорка представляет собой неприменение противоречащих основам правопорядка Российской Федерации норм иностранного права, а не источников, в которых они выражены. Более того, в силу предписаний ст. 1193 ГК РФ оговорка не может базироваться лишь на отличии правовой системы соответствующего иностранного государства от правовой системы России.

Практический интерес представляет неоднозначное понимание и толкование положений ст. 1191 ГК РФ в части решения вопроса о допустимости применения не всех необходимых для разрешения дела норм иностранного права, а только тех, которые удалось установить. Опыт ряда зарубежных стран (Венесуэла, Мексика) демонстрирует возможность использования «адаптации», т.е. приспособления друг к другу норм нескольких национально-правовых систем, регулирующих различные аспекты общественного отношения, с целью создания единого правоприменительного целого, как «если бы данные нормы были творением одного законодателя» [9, с. 243]. Несмотря на то, что степень полноты представленной об иностранном праве информации оценивает правоприменитель, важно помнить, что «коллизонная норма отсылает не к отдельным нормам иностранного права, а к правовой системе иностранного государства в целом» [8, с. 275]. Поэтому, по справедливому замечанию И.В. Елисеева, в данной ситуации «суд не должен руководствоваться отдельными нормами иностранного права, содержание которых он установил, и игнорировать другие (не известные ему) правила, применимые к спорному отношению» [10, с. 208]. Тем самым иностранное право должно считаться неустановленным, а правоприменителю в силу ч. 3 ст. 1191 ГК РФ следует применять российское право.

3. В правоприменительном процессе активно задействованы международные договоры.

Типичной предпосылкой применения международного договора является интернациональный характер общественного отношения. Чаще всего международные договоры применяются, когда регулируемые ими отношения складываются между субъектами договаривающихся государств. В более редких случаях договор может применяться, если применению подлежит право договаривающегося государства (например Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. [11]), если объект правоотношения имеет место на территории договаривающегося государства (например Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Молдова о порядке и условиях приватизации объектов собственности Российской Федерации, расположенных

на территории Республики Молдова, и объектов собственности Республики Молдова, расположенных на территории Российской Федерации 1996 г. [12]), либо если на территории договаривающегося государства имел место соответствующий юридический факт (например факт опубликования авторского произведения в государстве – участнике Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г. [13]).

Общеизвестно правило ч. 4 ст. 15 Конституции РФ о приоритетном применении международного договора в случае противоречия его норм с нормами закона. Зачастую данное правило воспринимается как абсолютное, хотя правоприменительной практике известны исключения из него.

Во-первых, первоочередное применение международного договора оправдано именно при возникновении противоречия его норм с внутренними нормами права. По мнению С.Ю. Марочкина, «отдавать предпочтение договору, если он не предусматривает иных правил, чем закон, нет оснований, целесообразно в таком случае применять закон» [14, с. 22]. Схожая позиция сформировалась и в немецкой юридической доктрине [15, с. 25]. Однако вполне допустимым представляется синхронное применение международного договора и закона, т.е. одновременное наличие в правоприменительном акте ссылок на оба источника права.

Во-вторых, приоритет международного договора не распространяется на Конституцию РФ как основной закон государства. Как известно, Конституция РФ обладает высшей юридической силой в рамках правовой системы России (ст. 15). Одним из подтверждений этого являются полномочия Конституционного Суда РФ по проверке конституционности международных договоров, не вступивших для России в силу (ч. 2 ст. 125 Конституции РФ).

В-третьих, в некоторых международных договорах встречаются диспозитивные нормы, допускающие установление иных предписаний во внутреннем законодательстве договаривающегося государства. Так, согласно п. 3 ст. 14 bis Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений (в ред. 1955 г.) «если национальным законодательством не устанавливается иное, положения вышеуказанного пункта (2) (b) не применяются к авторам сценариев, диалогов и музыкальных произведений...» [13].

В-четвертых, на соотношение международных договоров и внутренних нормативных правовых актов большое влияние оказывает уровень юридической силы международного договора. Как известно, Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» предусматривает существование межгосударственных, межправительственных и межведомственных договоров (п. 2 ст. 3) [16]. Важное различие между ними состоит в том, что межгосу-

дарственные договоры имплементируются в правовую систему России, как правило, в форме федерального закона о ратификации, а межправительственные и межведомственные договоры, напротив, – в форме соответствующих подзаконных нормативных актов. Следовательно, положения межгосударственного договора обладают более высокой юридической силой (а значит первичным применением), чем закон, в то время как иные международные договоры приоритетны лишь по отношению к нормативным правовым актам правительственного или ведомственного уровней. Данная правовая позиция нашла отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (п. 8) [17].

4. Особая последовательность применения норм международного частного права.

На наш взгляд, в этой последовательности просматривается четыре этапа. На **первом** этапе подлежат применению материально-правовые нормы международного договора. Это вытекает из положений п. 3 ст. 1186 ГК РФ, «если международный договор Российской Федерации содержит материально-правовые нормы, подлежащие применению к соответствующему отношению, определение на основе коллизионных норм права, применимого к вопросам, полностью урегулированным такими материально-правовыми нормами, исключается». Иными словами, наличие необходимых материальных норм международного договора исключает необходимость обращения к коллизионным нормам. Смысл названного правила объясняется унифицирующим значением материальных норм международного договора, обеспечением с их помощью единообразного регулирования определенных общественных отношений во всех государствах-участниках. Но как быть в случае, когда унифицированные материальные нормы отсутствуют или содержат пробелы? Возникает необходимость во втором этапе правоприменения. На **втором** этапе применению подлежат коллизионные нормы международного договора, в котором участвуют страна правоприменителя и страна, к которой относится иностранный элемент в рассматриваемом деле. Однако это утверждение справедливо только в случае, если международным договором установлены иные коллизионные правила, чем предусмотренные законом. При отсутствии унифицированных коллизионных норм в **третью** очередь применяются внутренние коллизионные нормы. Как было замечено выше, в подавляющем большинстве случаев ими являются коллизионные нормы страны правоприменителя. На основании коллизионных норм на **четвертом** этапе применяются материальные нормы избранного правового порядка. Как правило, это нормы частного права, поскольку они

отличаются свойством экстерриториальности. Нормы публичного права являются территориальными и подлежат применению лишь в той стране, где они приняты. Однако возможны исключения. В частности, п. 1 ст. 8 вышеупомянутой Минской конвенции допускает возможность применения запрашиваемым государством иностранных процессуальных норм («процессуальных норм запрашивающей Договаривающейся Стороны»).

Думается, что четырехэтапная последовательность не может распространяться на специальные материальные нормы внутреннего права, т.е. на нормы, изначально предназначенные регулировать общественные отношения с иностранным элементом. К примеру, из таких норм состоят преимущественно федеральные законы «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности». Специальные материальные нормы внутреннего права призваны регулировать отношения с иностранным участием напрямую, минуя коллизионную стадию, в связи с чем их применение может быть заблокировано только международным договором, содержащим иные положения.

Неоднозначным представляется и вопрос о последовательности применения материальных норм избранной национально-правовой системы. Восприятие избранного урегулированное соответствующее отношение правопорядка как простой совокупности материальных норм является неверным. В рамках правовой системы государства в любом случае необходимо различать международные договоры с его участием, специальные внутренние материальные нормы, а также общие материальные нормы, т.е. нормы, адаптированные для регулирования внутренних общественных отношений, но в то же время применимые и к отношениям с участием иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранных юридических лиц. Они и должны применяться в соответствующей последовательности: 1) нормы международного договора, при условии, что в нем предусмотрено его применение, когда применимым является право договаривающегося государства; 2) специальные материальные нормы внутреннего права; 3) общие материальные нормы внутреннего права. Важно подчеркнуть: грубой правоприменительной ошибкой будет ситуация, когда для регулирования трансграничных общественных отношений будут применяться нормы, рассчитанные на регулирование исключительно внутренних отношений, отношений без всякого иностранного участия. В германской юридической литературе [18] убедительно доказано, что в подобных ситуациях «подстановка» норм внутреннего национального права для регулирования интернационального отношения не допускается в принципе.

5. Специфические нормативные коллизии.

Особый нормативный состав и особая последовательность применения норм международного частного права (МЧП) обуславливают возникновение своеобразных противоречий между ними. Они существуют, наряду с традиционными и характерными для других отраслей права видами нормативных коллизий (например между международным договором РФ и внутренним законодательством). Думается, к числу специфических нормативных коллизий относятся следующие.

А) Коллизии между нормами международных договоров. Особенно актуальным данный вопрос является в ситуациях, когда речь идет о международных договорах различной юридической силы, но с совпадающими государствами-участниками. Так, на основании и в развитие Минской конвенции о правовой помощи был заключен ряд конкретизирующих межправительственных договоров об обмене правовой информацией [19], в свою очередь, на базе последних появилось Соглашение между министерствами юстиции государств – членов Евразийского экономического сообщества о сотрудничестве в сфере обмена правовой информацией 2005 г. При обнаружении противоречий между тремя уровнями названных договоров необходимо руководствоваться положениями договора, имеющего более высокую юридическую силу.

Проблема соотношения международных договоров может возникать также в случаях, когда они имеют одинаковую юридическую силу и идентичные государства-участники. Как тогда может быть решен вопрос о выборе договора? Прежде всего, необходимо обратить внимание на решение данного вопроса в самих конкурирующих договорах. Зачастую один из договоров содержит «уступительную оговорку», т.е. предполагает приоритетное применение другого международного договора, регулирующего аналогичные отношения. К примеру, п. 1 ст. XVII Всемирной конвенции об авторском праве 1952 г. предусматривает: «Настоящая Конвенция ни в чем не затрагивает постановления Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений и принадлежности к Союзу, образованному этой Конвенцией» [20, с. 431]. Если же подобного рода оговорки отсутствуют, то представляется допустимым соотнесение договоров по таким критериям, как предмет правового регулирования, круг адресатов, число государств-участников. Следовательно, если договор имеет более широкий предмет правового регулирования, круг адресатов и сравнительно большое число участвующих стран, то его нормы могут рассматриваться как общие по отношению к договору, имеющему более узкие предметные рамки, ограниченный круг лиц и состав государств-участников. Тем самым последний будет рассматриваться в качестве специального,

а потому подлежащего первичному применению. Так, по числу государств-участников будут разграничиваться многосторонняя Минская конвенция о правовой помощи и двусторонний Договор о правовой помощи между Российской Федерацией и Республикой Молдова 1993 г. [21].

Б) Коллизии между материальными нормами различных национально-правовых систем. Данные коллизии являются определяющими для МЧП, и их существование естественным образом связано с изначальной неоднородностью правового регулирования частных общественных отношений в отдельных странах. Указанный тезис может быть подтвержден многочисленными примерами. Так, согласно ст. 80 ГК Киргизии гражданин может быть объявлен судом умершим, если в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания в течение трех лет, а ст. 45 ГК РФ устанавливает пятилетний срок. В соответствии со ст. 32 ГК Азербайджана основанием ограничения дееспособности физического лица является злоупотребление им спиртными напитками или наркотическими средствами либо его пристрастие к азартным играм, вследствие чего это лицо ставит свою семью в тяжелое материальное положение. Но ст. 30 ГК РФ не известно такое основание ограничения дееспособности лица, как пристрастие к азартным играм. В ГК Украины различается пять очередей наследников по закону (ст. 1261–1265), в то время как ГК РФ устанавливает восемь очередей наследников по закону (ст. 1142–1145, 1148). Именно осложнение общественных отношений иностранным элементом, объективная связь с несколькими правопорядками, претендующими на их регулирование, на фоне многообразия внутригосударственных норм права предопределяют необходимость обращения к коллизионным нормам с целью определения применимого права.

Более того, в исключительных случаях рассматриваемый вид коллизий может провоцировать собственно коллизионная норма. Речь идет о так называемом «расщеплении коллизионной привязки», когда за ней скрывается необходимость параллельного применения норм нескольких правопорядков. Иллюстрацией к сказанному может послужить п. 3 ст. 37 Минской конвенции, в соответствии с которым «если ребенок усыновляется супругами, из которых один является гражданином одной Договаривающейся Стороны, а другой – гражданином другой Договаривающейся Стороны, усыновление или его отмена должны производиться в соответствии с условиями, предусмотренными законодательством обеих Договаривающихся Сторон». Очевидно, что нормы соответствующих правопорядков могут оказаться взаимоисключающими, несовместимыми друг с другом.

В) Коллизии между общими и специальными коллизионными нормами. Применительно к российскому праву наблюдается два вида таких коллизий.

Во-первых, конкуренция коллизионных норм ГК РФ с коллизионными нормами, содержащимися в СК РФ и КТМ РФ. Коллизионные нормы СК РФ и КТМ РФ по отношению к коллизионным нормам ГК РФ являются специальными и подлежат первоочередному применению, в то время как положения ГК РФ применяются по остаточному принципу. Исходя из п. 2 ст. 1 КТМ РФ «к имущественным отношениям, не регулируемым или не полностью регулируемым настоящим Кодексом, применяются правила гражданского законодательства Российской Федерации». Подобное правило закреплено в ст. 4 СК РФ.

Во-вторых, соотношение общей и специальной коллизионной нормы в рамках ГК РФ, СК РФ и КТМ РФ. Если общая коллизионная норма регулирует общественное отношение в целом, то специальная – какой-либо сегмент этого отношения либо аналогичное отношение, но с особым объектом, субъектным составом или иной юридически значимой и своеобразной деталью. Тезис может быть проиллюстрирован на примере коллизионного регулирования договорных обязательств. По общему правилу к договору при отсутствии автономии воли применяется право ведущей стороны (п. 1–3 ст. 1211 ГК РФ). Однако если договор заключен особым способом – на аукционе, по конкурсу или на бирже, то применимо право страны, где они проводились (п. 4 ст. 1211 ГК РФ); если объектом договора является недвижимость, то применимо право страны места ее нахождения (ст. 1213 ГК РФ); если в договоре участвует потребитель, то действуют специально предусмотренные для этой ситуации коллизионные правила, основным из которых является закон места жительства потребителя (ст. 1212 ГК РФ).

Для некоторых стран (например США, Канада) характерен еще один вид коллизий – столкновение коллизионных норм федерального и регионального

уровней. В России внутрифедеральные коллизии такого рода отсутствуют, что объясняется отнесением к сфере ведения Российской Федерации «гражданского законодательства» и «федерального коллизионного права» (п. «о», «п» ст. 71 Конституции РФ).

Примечательно, что с перечисленными коллизиями сталкивается более узкий в сравнении с большинством других отраслей права круг субъектов-правоприменителей. В международном частном праве в качестве типичных правоприменителей выступают государственные суды, международные коммерческие арбитражи, органы записи актов гражданского состояния, консульские работники, нотариусы. Напротив, такие правоприменители, как органы местного самоуправления, прокуроры, работники следственных органов, работники налоговых органов осуществлением норм международного частного права применительно к конкретным жизненным ситуациям практически не занимаются. Сказанное в некоторой мере свидетельствует еще об одной (хотя и не столь показательной) специфической черте правоприменения в международном частном праве.

Таким образом, механизм правоприменения в международном частном праве обладает многогранной спецификой и повышенной сложностью. Основными особенностями правоприменения в этой области выступают: 1) широкое использование в качестве правоприменительной основы коллизионных норм; 2) применение иностранного права; 3) непосредственное применение норм международных договоров; 4) особая последовательность применения норм международного частного права; 5) специфические нормативные коллизии. Учет и дальнейшее осмысление перечисленных особенностей является важным в целях совершенствования правоприменительной практики и защиты прав субъектов международного частного права.

Библиографический список

1. Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. – М., 2002.
2. Кудашкин В.В. Материально-правовые нормы как источник российского международного частного права [Электронный ресурс]. – URL: СПС «КонсультантПлюс».
3. О международном коммерческом арбитраже : Закон РФ от 7 июля 1993 г. №5338-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного совета РФ. – 1993. – №32. – Ст. 1240.
4. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – №17. – Ст. 1472.
5. Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М., 2008.
6. Стихина А.И. Способы установления содержания норм иностранного права судом // Арбитражные споры. – 2008. – №1.
7. Тимохов Ю.А. Иностранное право в судебной практике. – М., 2004.
8. Толстых В.Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. – СПб., 2004.
9. Лунц Л.А. Курс международного частного права. Общая часть. – М., 2005.
10. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). Часть третья. – М., 2002.
11. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 1994. – №1.
12. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Молдова о порядке и

условиях приватизации объектов собственности Российской Федерации, расположенных на территории Республики Молдова, и объектов собственности Республики Молдова, расположенных на территории Российской Федерации (Москва, 12 апреля 1996 г.) // Бюллетень международных договоров. – 1996. – №7.

13. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (Берн, 9 сентября 1886 г.) // Бюллетень международных договоров. – 2003. – №9.

14. Марочкин С.Ю. Какие международные нормы и договоры подлежат применению судами // Юридический мир. – 2006. – №4.

15. Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П. Международное частное право и сравнительное правоведение. – М., 2003.

16. О международных договорах Российской Федерации: Федеральный закон от 15 июля 1995 г. №101-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – №29. – Ст. 2757.

17. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. №5 // Российская газета. – 2003. – 2 дек.

18. Vischer. Die rechtsvergleichenden Tatbestände im internationalen Privatrecht. – München, 1953.

19. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об обмене правовой информацией от 6 мая 1998 г. // Бюллетень международных договоров. – 1998. – №10.

20. Международные нормативные акты ЮНЕСКО. – М., 1993.

21. Договор между Российской Федерацией и Республикой Молдова о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Москва, 25 февраля 1993 г.) // Бюллетень международных договоров. – 1995. – №7.